

УДК 329.3

Социально-политические основы религиозно-ориентированных радикальных идеологий экстремизма и терроризма

К. Б. Ахмедова, В. Н. Коновалов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Изучается проблема использования религиозно-ориентированных радикальных идеологий террористическими и экстремистскими группами с целью привлечения большего числа сторонников и достижения своих политических целей. Используя данные многих социологических и политологических исследований, статья предоставляет обстоятельный анализ религиозно-ориентированных радикальных идеологий.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, религиозно-ориентированные радикальные идеологии, религия и секуляризация.

Анализ современных исследований в области социологии и политологии и теоретических подходов к изучению идеологий экстремизма и терроризма показывает, что социология терроризма находится на стадии зачатия и социологические теории терроризма практически отсутствуют [17].

Теория секуляризации, доминировавшая в период после Второй мировой войны и вплоть до конца 1970-х гг., анализируя новые государства, образовавшиеся после войны, определяла их модернизацию как желаемый конечный результат политического развития. Одним из основных достижений модернизации считалось отделение религиозных структур от государства, введение светских видов легитимации, которые должны распространяться, в том числе, и на те области, которые традиционно регулировались религиозными институтами [30]. Религия, по определению, была противопоставлена эффективному развитию общества, хотя в некоторых исследованиях все еще признавалась социальной силой, которая может способствовать мобилизации масс.

И только в 1980-х гг. в социальных науках начал возрождаться интерес к религии в связи с Исламской революцией в Иране, главным идеологом которой явился Аятолла Хомейни, а также движением Новое христианское право в США, возглавляемым Преподобным Джерри Фалвелом. Оба лидера возглавляли социальные движения, основанные на религии. Исламская революция в Иране продемонстрировала способность таких социальных движений не только захватить государственную власть, но и подавить образцовое модернизированное политическое развитие, которое было характерно для Ирана в период правления Шаха [32].

В противовес теории секуляризации и прогнозам многих социологов, религия все больше становится вовлеченной в социальные и политические процессы. Некоторые из современных исследований определили религиозный фактор как основную политическую силу [24].

Возросший за последние годы интерес и внимание социальных наук к религиозному фактору свидетельствует о его важном влиянии на социально-политические процессы, происходящие в обществе. Несмотря на многочисленные исследования данной проблемы в смежных науках, ни религиоведение, ни политические науки до сих пор не предложили исчерпывающего объяснения религиозного фактора в политических процессах. Большинство исследований, посвященных изучению отдельных случаев и событий, достигли небольшого научного прогресса. Теория социальных движений, включающая такие основные понятия, как культура и идентичность, мобилизация ресурсов, определяет силы, вовлекающие религиозные группы в политические процессы [32].

Терроризм часто рассматривается через призму теорий глобализации. Исследователи отмечают, что глобализация вызывает сопротивление, иногда в форме террористических атак, на те страны, которые находятся в авангарде процессов глобализации. Некоторые исследователи рассматривают терроризм как оборонительное, реакционное, солидарное движение против глобальных сил, изменяющих культуру и экономику обществ [23].

К теориям глобализации относятся: теория мировой системы, теория мирового общества как государства и теория ответного удара.

Теория мировой системы рассматривает международный терроризм как антисистемный элемент. Террористы воспринимают религию как альтернативу универсальному, глобальному неолиберализму [27; 29].

Теория мирового общества как государства находит, что продолжающаяся экспансия западно-ориентированных культурных моделей рационального действия и универсальных социальных стандартов происходит на фоне растущего международного терроризма [19; 29]. В рамках данной теории рассматриваются возможные причинно-следственные связи между введением глобальных стандартов, норм и определений реальности и защитными действиями локальных незападных обществ, которые в определенных обстоятельствах принимают форму международного терроризма.

С другой стороны, экспансия глобального общества должна была бы вызвать глобальный эффект во всех регионах. Но есть заметные различия в реакции на глобализацию в Латинской Америке, которая переживает негативный эффект глобализации, и на Ближнем Востоке. Латинская Америка не реагирует на глобализацию международным терроризмом, как Ближний Восток. Похоже, что возмущение глобализацией в Латинской Америке обращено вовнутрь, тогда как на Ближнем Востоке вовне. Такие различные социальные реакции на глобализацию объясняются данной теорией тем, что страны Латинской Америки являются относительно открытыми, с демократическими институтами и социальными организациями, способными абсорбировать социальное напряжение, вызванное глобализацией, которое выражается в предвыборной политике, социальных движениях, демонстрациях и протестах. В

более автократических ближневосточных странах, где разногласия жестоко подавляются, где имеются минимальные возможности для выражения социального напряжения и где религиозные идеологии лежат в основе государственного устройства, подобное возмущение глобализацией направляется во вне, иногда в форме международного терроризма.

Теория ответного удара рассматривает терроризм как ответную реакцию сопротивления на глобальную политику Америки [18; 20; 26]. Данная теория полагает, что американская политика сегодня аналогична политике империй прошлого в стремлении контролировать многочисленные этнические и религиозные группы во всем мире, и терроризм является неизбежной реакцией сопротивления на эти имперские амбиции.

А. Бергезен и О. Лизардо выделяют следующие уровни анализа в теориях международного терроризма:

- Индивидуальный уровень включает теории, изучающие отдельных террористов, их интересы, мотивы, личностные особенности и т. д.
- Групповой или социальный уровень включает теории, изучающие террористические группы, организации, движения. Здесь террористические организации изучаются подобно тому, как изучаются социальные движения, на основе тех же теорий. Террористические акты включены в ту же группу коллективного насилия, куда входят социальные движения и политическое насилие [22].
- Национальный уровень – в центре анализа находятся общество, страна или государство, в частности, государственная политика относительно терроризма или политика, делающая государство мишенью для террористов, финансовая поддержка террористических групп.

Исследователи согласны с тем, что начиная с 1990-х гг. мир вошел в фазу «нового терроризма» [25; 28]. Также описываются новые типы террористов после холодной войны, новое поколение террористов [16]. Исследователи выделяют следующие изменения и новые характеристики терроризма:

- Структура террористических организаций приобретает форму децентрализованной разветвленной сети ячеек, состоящей больше из волонтеров взамен прежней строго иерархичной организации с вертикальной цепочкой власти, состоявшей из профессионально подготовленных террористов. Также террористические организации приобрели международный статус, включая членов и принимая лидеров из разных стран, тогда как в 1960–1980-е гг. они являлись узконациональными по структуре и управлению.
- Террористические идеологии стали более религиозными, отмечается нарастающее использование религии в идеологиях террористических организаций и групп [31]. Б. Хоффман заключает, что за последние годы значительно выросло число террористических атак и террористов, заявляющих о религиозных мотивах, и отмечает значимую корреляцию между религиозной мотивацией и летальностью террористических атак.
- Террористические цели стали глобальными. Если раньше террористическими организациями выдвигались требования конкретного, локального характера (например, освободить заключенных членов организации или вы-

вести войска с конкретной территории), то с 1990-х гг. они стали глобально-религиозными (создание единой мусульманской общины – уммы, создание исламского государства и т. д).

Российская социология религии, как отмечает А. В. Аникина [1], сформировала несколько подходов к феномену религиозности: 1) классический, основанный на марксистской методологии; 2) постклассический, сочетающий марксистский и интроспективный (церковный) подход; 3) системно-динамический, базирующийся на чертах интегральной системы культуры; 4) полипарадигмальный, позволяющий овладеть наиболее ценными достижениями современной социологии религии.

Современные отечественные исследования, в той или иной мере затрагивающие проблему экстремистских идеологий, связанных с исламом, проведены в таких направлениях, как влияние исламского фактора на военную политику и учет его в боевой деятельности войск [5; 9]. Другие исследования посвящены анализу концепции джихада в исламе [2; 4]. Ряд работ рассматривают экстремистские идеологии в контексте межэтнических конфликтов, соотношения этнического и религиозного факторов [8; 13]. Следует выделить исследования, изучающие политические аспекты и идеологические функции ислама [3; 7]. Геополитические процессы на Юге России, национальные и региональные аспекты безопасности изучаются ростовским ученым В. Н. Коноваловым [10; 15].

Важными в данной области являются исследования А. А. Игнатенко [6], выдвинувшего гипотезы об эндогенности радикализма в исламе, о возрастающей в мире зоне многоуровневой напряженности исламского радикализма, а также о прямой зависимости радикализации ислама в северокавказском регионе России от экспорта исламизма из-за рубежа.

Ряд исследователей акцентируют внимание на внешних факторах радикализации [2; 7], тогда как другие – на внутренних причинах [11, с. 306] и др. Среди внешних факторов радикализации ислама рассматриваются противостояние цивилизаций, социально-экономические интересы, противостояние глобальных и региональных интересов на международной арене. Как отмечает Э. В. Улезко [14], организационные и идеологические центры этнорелигиозного экстремизма (прежде всего, исламизма) в значительной степени расположены вне территории Российской Федерации и северокавказского региона. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе подпитывается во многом за счет экзогенных факторов, связанных с планами реализации геополитических интересов отдельных государств западного и исламского мира. Среди внутренних факторов рассматриваются национальные и религиозные.

Как считает Л. Р. Сюкияйнен [12], одной из важных сторон борьбы с экстремизмом и терроризмом является идеологический аспект. Его актуальность объясняется тем, что из всех составляющих экстремизма под исламскими лозунгами непосредственное отношение к исламу имеет указанный момент, и прочность позиций экстремизма заключается не только в нерешенности политических, социально-экономических, национальных проблем, но и в его идейной базе, ориентирующейся на исламские концепции.

Таким образом, анализ доступных теоретических источников показывает, что современные исследования религиозно-ориентированных радикальных идеологий экстремизма и терроризма носят фрагментарный и дискуссионный характер, лишь обозначая контуры существующей проблемы, что свидетельствует о недостаточной степени научной разработанности данной проблемы. Тем не менее, исследователи приходят к выводу, что террористические идеологии стали более религиозными, так как в последние годы отмечается нарастающее использование религии в идеологиях террористических организаций и групп, что, в свою очередь, увеличивает летальность террористических атак.

1. *Аникина А. В.* Религиозность современной студенческой молодежи (на примере Нижегородской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. В. Аникина. – Нижний Новгород, 2008. – 26 с.
2. *Арухов З. С.* Концепция джихада в раннем исламе : дис. ... канд. филос. наук / З. С. Арухов ДГУ. – Махачкала, 1995. – 159 с.
3. *Балтанова Г. Р.* Социально-философский анализ зарубежных концепций эволюции ислама в России и СНГ : дис. ... д-ра филос. наук / Г. Р. Балтанова. – М., 1994. – 299 с.
4. *Дельмаев Х. В.* Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. (Критический философско-социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Х. В. Дельмаев. – М., 1987. – 24 с.
5. *Дерябин В. М.* Деструктивная роль исламской оппозиции в политическом урегулировании афганской проблемы в 1979–89 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. М. Дерябин. – М., 1990. – 15 с.
6. *Игнатенко А. А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ, – 2000. – № 2 (8). – С. 112–128.
7. *Малашенко А. В.* Феномен ислама в политической жизни СССР / СНГ : дис. ... д-ра ист. наук / А. В. Малашенко. – М., 1995. – 446 с.
8. *Мальшева Д. Б.* Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 7. – С. 108–117.
9. *Марчук Н. И.* Война в Афганистане. : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Н. И. Марчук. – М., 1993. – 45 с.
10. Международная безопасность и проблемы терроризма / отв. ред. А. Г. Володин и В. Н. Коновалов. – Ростов н/Д. – М. : СКНИЦ ВШ, 2002. – 144 с.
11. *Поляков К. И.* Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX века (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / под ред. А. Малашенко и М. Б. Олкотт. – М., 2001. – 320 с.
12. *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и терроризм: союзники или противники // Терроризм и религия / науч. ред. В. Н. Кудрявцев, сост. Л. В. Брятова. – М., 2005. – С. 109–119.
13. *Томе Э.* Ислам и национальный вопрос (национальный и религиозный факторы на Арабском Востоке на современном этапе) : дис. ... канд. филос. наук / Э. Томе. – М., 1993. – 206 с.
14. *Улезко Э. В.* Противодействие экстремизму в этнорелигиозной сфере : проблемы и перспективы эволюции государственной политики (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Э. В. Улезко. – Ростов н/Д, 2009. – 23 с.
15. Конфликтология : учебник / под науч. ред. В. Н. Коновалова и С. А. Мартиросян. – Ростов н/Д. : ЮФУ, 2011. – 312 с.
16. *Хоффман Б.* Терроризм: взгляд изнутри / Б. Хоффман ; пер. с англ. Е. Сажина. – М. : Ультра, 2003. – 264 с.

17. *Bergesen A. J.* International Terrorism and the World-System / A. J. Bergesen, O. Lizardo // *Sociological Theory*. – 22:1. – March. – 2004.
18. *Brooks S.* American Primacy in Perspective / S. Brooks, W. Wohlforth // *Foreign Affairs*. – 2002. – N 81. – P. 20–33.
19. *Chase-Dunn C.* Trade Globalization since 1795: Waves of Integration in the World-System / C. Chase-Dunn, Y. Kawano, B. D. Brewer // *American Sociological Review*. – 2000. – N 65. – P. 77–95.
20. *Crenshaw M.* Why America? The Globalization of Civil War // *Current History*. – 2001. – December. – P. 425–432.
21. *Frank D. J.* The Nation-State and the Natural Environment over the Twentieth Century / D. J. Frank, A. Hironaka, E. Schofer // *American Sociological Review*. – 2000. – N 65. – P. 96–116.
22. *Gurr T. R.* Terrorism in Democracies: Its Social and Political Bases // *Origins of Terrorism* / ed. by W. Reich. Princeton. – 9th ed. – NJ : Princeton University Press, 1990. – P. 86–102.
23. *Hoffman S.* Clash of Globalizations // *Foreign Affairs*. – 2002. – N 81. – P. 104–15.
24. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. P. Huntington. – N. Y. : Simon & Schuster, 1996. – 368 p.
25. *Jenkins B. M.* Terrorism and Beyond: A 21st Century Perspective // *Studies in Conflict and Terrorism*. – 2001. – N 24. – P. 321–327.
26. *Johnson C.* Blowback: The Costs and Consequences of American Empire / C. Johnson. – N. Y. : Henry Holt and Company, 2000. – 288 p.
27. *Juergensmeyer M.* Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence / M. Juergensmeyer. – Berkeley : University of California Press, 2003. – 336 p.
28. *Countering the New Terrorism* / I. O. Lesser [et al.]. – Santa Monica, CA : RAND, 1999. – 176 p.
29. *World Society and the Nation-State* / J. W. Meyer [et al.] // *American Journal of Sociology*. – 1997. – N 103. – P. 144–181.
30. *Smith D. E.* Religion and Political Modernization: Comparative Perspectives // *Religion and Political Modernization* / ed. D. E. Smith. – New Haven, CT, 1974. – P. 3–28.
31. *Sosis R.* Militants and Martyrs: Evolutionary Perspectives on Religion and Terrorism / R. Sosis, C. S. Alcorta // *Natural Security: A Darwinian Approach to a Dangerous World* / eds R. Sagarin, T. Taylor. – California, 2003. – P. 105–124.
32. *Wald K. D.* Making Sense of Religion in Political Life / K. D. Wald, A. L. Silverman, K. Fridy // *Annual Review of Political Science*. – 2005. – N 8. – P. 121–143.

Social and Political Bases of the Faith-Based Radical Ideologies of Extremism and Terrorism

K. B. Akhmedova, V. N. Konovalov

South Federal University, Rostov-on-Don

The article explores how terrorist and extremist groups exploit faith-based radical ideologies in order to attract more followers and to achieve their political goals. Using data collected from numerous sociological and political researches this paper provides a comprehensive analysis of faith-based radical ideologies.

Key words: extremism, terrorism, faith-based radical ideologies, religion, and secularization.

Ахмедова Кульсум Байтаевна – аспирант кафедры конфликтологии факультета социологии и политологии Южно-го федерального университета, 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, тел. 8(632)303267, e-mail: akhmedovakb@yandex.ru

Коновалов Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии Южного федерального университета, 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, тел. 8(632)303267, e-mail: kwn@sfedu.ru

Akhmedova Kulsum Baytayevna – Post-graduate student of the Department of Conflict Studies of the Faculty of Sociology and Political Science, the South Federal University, 344038, Rostov-on-Don, Nagibin Av., 13, phone 8(632)303267, e-mail: akhmedovakb@yandex.ru

Konovalev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Conflict Studies of the Faculty of Sociology and Political Science, the South Federal University, 344038 Rostov-on-Don, Nagibin Av., 13, phone 8(632)303267, e-mail: kwn@sfedu.ru